

Пока Лэ Уя в полном душевном смятении мысленно сокрушался о том, что их небесный век и запас здоровья только что резко сократились на добрую треть, Шестой принц негромко и мягко произнес:

— Поднимись и говори, земля нынче студеная.

Лэ Уя и не подумал сдвинуться с места:

— Ваш покорный слуга виноват пред Вами, а потому не смеет подняться.

Седьмой принц слегка наклонился и аккуратно подхватил его под локоть, увлекая кверху.

При таком натиске Лэ Уя уже не мог упрямо сидеть в снегу, а потому ему пришлось подчиниться чужой воле и встать на ноги.

В ту же секунду до его слуха донесся едва различимый, интимный и лукавый шепот Седьмого принца, предназначенный исключительно для его ушей:

— И к чему это представление?

Лэ Уя: ...

«Ах ты мелкий паршивец! На правах твоего учителя я лично урезаю твой небесный век еще на время прогорания одной ароматической палочки», — мысленно огрызнулся он.

Вслух же он лишь смиренно опустил веки и застыл в самой покорной позе, почтительно сложив руки на груди.

Сян Чжицзе строго спросил:

— И в каких же таких грехах ты виноват пред нами?

Лэ Уя почтительно отчеканил:

— Ваш слуга доподлинно проведал, что в земли Наньтина тайно прибыли благородные особы из столицы. Оказавшись в уезде без надежных и верных помощников, я грешным делом вознамерился прикрыться авторитетом Вашего величия, дабы одним сокрушительным ударом раз и навсегда вырезать этот гнойник на теле Наньтина.

Цзян Хэ медленно шагнул из тени и уставился на него прямым, немигающим взглядом.

Окажись на месте судьи обычный человек, под этим леденящим, каменным взглядом профессионального убийцы у него бы точно подкосились колени.

Однако Лэ Уя знал этого гвардейца как облуленного и прекрасно понимал: когда Цзян Хэ вот так глупо и неподвижно лупится на кого-то, это на его языке означает крайнюю степень замешательства и недоумения.

— Еще в те минуты, когда сей почтенный господин застыл в дальних рядах толпы, Ваш слуга заметил, что его гордая стать разительно отличается от повадок простых купцов, оттого я и выкликнул его на помост ради допроса. Едва он раскрыл рот, по выговору стало ясно, что перед нами уроженец столицы. Когда же он взял в ладони кости черепа покойника, Ваш слуга узрел на его пальцах характерные тонкие мозоли, кои круглыми годами натираются исключительно при регулярной стрельбе из тяжелого боевого лука. Спина его пряма как стрела, а стопы расставлены на ширину плеч, это излюбленная стойка бойцов регулярной столичной гвардии. Ну а когда взгляд моего скромного суда упал на его поясной кошель... Ткань на нем хоть и кажется заурядной, однако шелковые нити на завязках сотканы из благородного шелка. Согласно Уложениям о сословиях и одеждах нашей империи, купцам и ремесленникам строжайше воспрещено использовать шелк в обиходе.

Цзян Хэ: ...

Гвардеец молча опустил голову, ощущая, как его щеки медленно заливает густая краска стыда.

Ну надо же было умудриться надеть столько глупых и явных промашек!

Лэ Уя ровным тоном продолжил:

— Появление в нашей глуши высокопоставленного военного чина из столицы, который к тому же скрывает свой статус и тайно слушает уголовные процессы в толпе обывателей, подобное происшествие явно имело под собой веские вехи. К счастью, безумная догадка Вашего слуги оказалась пророческой, и этот почтенный офицер знатно потрудился ради блага уезда...

Он выразительно скользнул взглядом по фигуре воина, безмолвно понуждая его назваться.

Цзян Хэ почтительно опустил взор:

— Офицер столичной гвардии Цзиньувэй, Цзян Хэ.

Лэ Уя со всем покаянием произнес:

— То, что господину Цзяну пришлось ради нужд этого суда рисковать собственной жизнью под клинками бандитов, целиком и во всем вина Вашего слуги.

Седьмой принц ядовито усмехнулся:

— Из обычного фальшивого доноса ты умудрился раздуть колоссальное следствие и припахать к делу личную императорскую гвардию. Поразительная по своей наглости и изяществу игра!

Шестой принц лишь спокойно улыбнулся:

— Ты хорош.

Лэ Уя:

— Ваш слуга проявит безграничную дерзость, но осмелится ли он узнать подлинный статус двоих благородных господ?

Голос Шестого принца оставался безмятежным:

— Мы замещаем Сына Неба в его дозоре, дабы досконально проверять дела управления.

И пускай эти слова были произнесены им совершенно обыденно, однако в них крылся колоссальный, пугающий вес. От этой формулы любые вельможи в столичных палатах и мелкие канцеляристы в провинциях мгновенно цепенели от дикого ужаса, а их колени подкашивались сами собой.

Вот только Лэ Уя и не подумал выказать ни малейшей паники, равно как не выказал и бурного восторга от неожиданной удачи.

Сохраняя абсолютное спокойствие и невозмутимость, он вновь размашистым жестом расправил полы халата и опустился на колени прямо в сугроб:

— Ваш покорный слуга приветствует господ императорских ревизоров. Осмелюсь спросить Ваше величество: то, что мой скромный суд сумел выстоять под колоссальным натиском верхов, до конца распутал сие темное дело и полностью вернул честное имя Мин Сянчжао, пускай это и было лишь моим прямым государственным долгом, могу ли я уповать, что в этом усердии крылась хоть малая доля полезного труда? У Вашего слуги имеется одна нижайшая просьба, и я молю господ ревизоров снизойти до того, чтобы выслушать ее.

Двое молодых высокопоставленных ревизоров: ...

Им в своей жизни еще ни разу не доводилось встречать чиновника, который бы столь беспардонно перешагивал через все дежурные протоколы и с такой непрошибаемой наглостью принимался с ходу выбивать для себя награду.

Седьмой принц протянул:

— Изволь изложить, мы слушаем.

Лэ Уя склонился в глубоком поклоне, коснувшись лбом снега:

— Я молю Ваше величество сохранить за Мин Сянчжао его ученое звание и официально позволить ему и впредь принимать участие в государственных экзаменах.

Братья одновременно удивленно приподняли брови.

Со времен воцарения Священного Предка династии Великой Ю в империи свято соблюдалось суровое правило: ежели кто-либо из книжников оказывался замешан в деле о государственной измене, то стоило канцелярии ямыня лишь составить первичный рапорт и отправить бумагу в верха, как совет министров незамедлительно лишал подозреваемого всех ученых званий и привилегий под корень. Делалось это исключительно ради того, чтобы уездные палачи могли без лишних юридических проволочек применять к арестанту дыбу, каленое железо и жестокие пытки ради выбивания имен соучастников.

И даже если впоследствии следствие досконально проясняло картину, полностью смывая с человека напраслину, прежние высокие звания несчастному, как правило, уже никто никогда не возвращал.

В конце концов, воля монарха непреклонна и священна, с какой стати властям прыгать назад-вперед из-за какого-то простолюдина?

Да и сами чудом уцелевшие в этих застенках книжники после суровых тюремных истязаний ломались настолько, что сохранение собственной головы на плечах почитали за величайшее счастье и монаршую милость. Где уж им было заикаться о возвращении былых регалий, несчастные старались до конца дней жить тише травы и ниже воды, смертельно боясь хоть как-то привлечь к себе внимание властей.

Лишь благодаря тому, что Вэньжэнь Юэ ранее упрямо выдерживал колоссальный натиск со стороны вышестоящего начальства, которое трижды требовало от него немедленно закрыть следствие и выдать бумаги, рапорт так и не был отправлен в столицу. А потому официальный статус у Мин Сянчжао до сих пор оставался в силе.

Принцы прекрасно понимали, что эта просьба уездного судьи была в высшей степени справедливой и разумной.

В чиновничьих кругах Поднебесной водилось предостаточно закостенелых буквоедов, которые свято верили: раз уж имя книжника хоть одной чертой соприкоснулось со статьей о мятеже, то будь он хоть трижды без вины виноват и оправдан судом, на его репутации все равно навеки

останется «грязное пятно».

Но ежели сейчас это дело пройдет через руки высших императорских посланников и обретет золотое слово их высочайшего одобрения, то будущая карьера Мин Сянчжао на поприще государственной службы окажется полностью защищена от любых подлых нападок и косых взглядов.

Вот только во всей этой истории поразительным и странным оставалось одно: этот уездный начальник был на редкость молод, он занимал судейское кресло от силы полгода, так откуда в его голове взялись столь зрелые, доскональные и выверенные политические расчеты?

Шестой принц надолго погрузился в мучительные думы, после чего веско произнес:

— Твое прошение я готов удовлетворить лично своей властью. Однако взамен я прошу тебя ответить на один мой вопрос.

И пускай Лэ Уя по-прежнему смиренно стоял перед ними на коленях, его спина оставалась безупречно прямой, а в движениях сквозила редкая, благородная стать:

— Нижайший преклон перед Вашим величием. Ваш слуга готов внимать Вашему вопросу.

Шестой принц пристально уставился на него и негромко спросил:

— Хорошо ли тебе живется в этих краях?

Лэ Уя: ?

На сей раз пришел черед самому уездному начальнику застыть в полнейшем замешательстве, не зная, как держать ответ.

Он как никто другой в Поднебесной умел читать между строк и улавливать потаенный смысл любых завуалированных фраз, однако этот вопрос был до такой степени простым и прямолинейным, что скрытая в нем бездна смыслов казалась поистине бесконечной.

Пока Лэ Уя лихорадочно просчитывал варианты в уме, Седьмой принц изящно перехватил нить разговора:

— Старший брат у меня совершенно не горазд на красивые речи. Он лишь вознамерился узнать: как по-твоему, способен ли этот крошечный, крохотный, точно воробышек, уезд Наньтин стать достойным домом для человека, обладающего колоссальным талантом великой птицы Пэн*?

ПП: величайшая птица-гигант в китайской мифологии и философии, чей образ олицетворяет абсолютную свободу, космический масштаб и безграничные возможности.

Лэ Уя внутри сразу же расслабился.

На подобные витиеватые метафоры у него всегда был готов безупречный ответ.

Он со всей невозмутимостью произнес:

— Пускай воробышек и мал телом, однако в этом есть свои великие блага. Изучая движение его внутренних соков, можно без труда узреть устройство всей Поднебесной и постичь неизблемые законы природы.

Эти слова были прямым и четким манифестом: он категорически не желает никаких переводов по службе в столицу и намерен до последнего оставаться здесь, в глухом Наньтине.

У Лэ Уя с самого начала имелся собственный, четко выверенный план на этот счет.

Едва все дела уезда будут окончательно урегулированы, дух подлинного Вэньжэнь Юэ вернется в родную телесную оболочку, а сам он со спокойной душой уйдет обратно в подземный мир, почивать в чертогах теней. Что же до несчастного ученого Мина... Лэ Уя обставит все так, будто после всех пережитых потрясений, великого горя и последующей бурной радости хрупкое здоровье книжника окончательно подкосилось, и парень тихо и мирно испустил дух в своей постели.

При таком исходе его высокое звание останется при нем до самой гробовой доски, и даже после его кончины престарелая матушка будет пожизненно получать от государства официальное казенное содержание. К тому же, под присмотром и при деятельном заступничестве самого Вэньжэнь Юэ, ее дальнейшие дни в уезде совершенно точно не будут омрачены нуждой или обидами со стороны местных старост.

А что касается самого Вэньжэнь Юэ в его нынешнем состоянии... Пускай природа и наградила этого юношу задатками безупречной, чистой яшмы, однако ему все еще требовалось пройти через суровое горнило великих испытаний и дотошной практики, дабы со временем превратиться в истинно великого государственного мужа.

Если бы Лэ Уя своевольно принял сейчас из их рук какое-нибудь важное государственное поручение, а способностей юного Вэньжэнь Юэ потом не хватило бы для дела, это означало бы лишь одно: чем монументальнее выстроена сцена, тем сокрушительнее окажется позор перед Поднебесной.

Седьмой принц окинул его дотошным взглядом с головы до ног:

— Ты ведь продвинулся по службе из сословия цзюйжэней. Твое стремление шаг за шагом пробивать себе дорогу вверх своими силами — устремление, без сомнения, благородное. Да только не страшишься ли ты, что в этой глуши карьерные выси твои окажутся слишком куцыми, а драгоценные годы будут потрачены впустую?

Лэ Уя смиренно опустил веки:

— Древний мудрец говаривал: «Пытаться мерить безграничное познание границами своего куцега века — чистое безумие».

Седьмой принц на мгновение опешил, а после со смехом протянул:

— Надо же, действующий чиновник империи, а в качестве основы своего бытия избирает каноны Чжуан-цзы?

— В ответ господину императорскому ревизору: в учениях мудрецов ста школ всякий волен отыскать свой подлинный путь.

— Когда помыслы чиновника столь хаотично мечутся меж разными доктринами, вряд ли это сулит благо для государства.

Вопрос этот таил в себе немало ловушек, однако Лэ Уя держался с безупречным достоинством, не выказывая ни излишней гордости, ни рабского подобострастия:

— Господин ревизор, в глубине души Вашего слуги круглыми годами зреет одна заветная мысль. Речи мои могут показаться в высшей степени дерзкими, а потому я уповаю на великодушие Вашего величия и молю простить мне эту вольность.

Седьмой принц обронил:

— Изволь изложить, мы послушаем.

Он умышленно зажимал мелкого начальника в угол, желая досконально прощупать истинную глубину его ума.

Кто же мог помыслить, что стоило Лэ Уя раскрыть рот, как из его уст хлынули речи, граничащие с государственным кощунством:

— Будь то конфуцианство, легизм, буддизм, даосизм или моизм, всякое учение толкует о великих законах управления миром. Пытаться жадно заграбастать в свои руки абсолютно все под корень — умысел, без сомнения, порочный. Вот только земли Девяти областей Поднебесной поистине безграничны, и сосчитать их жителей невозможно. Державная власть

Сына Неба обрывается у ворот уездных городов, не достигая глухих деревень и сел. И какими бы возвышенными ни были великие законы столицы, до этих мест они попросту не способны дотянуться.

По какому-то счастливому стечению обстоятельств заместителя Сунь Жу в этот час не было рядом. Услышь он эти безумные рассуждения Лэ Уя о том, что «монаршая воля бессильна в уездных глухоманях», старый лис от дикого ужаса наверняка бы грохнулся замертво прямо в сугроб.

Седьмой принц веско кивнул:

— Хм, речи твои и впрямь пахнут мятежом. Сын Неба безраздельно владеет всеми четырьмя морями, как у тебя вообще повернулся язык вещать подобное?

Лэ Уя не повел и бровью, не пытаясь уклониться от удара, а ответил со всей прямоотой:

— В ответ Вашему величию: позвольте Вашему слуге подкрепить свои слова одним наглядным примером.

— Я не стану утаивать от господ ревизоров, что к сегодняшнему ночному процессу Ваш слуга готовился очень давно. Моей единственной целью было одним сокрушительным ударом раз и навсегда выкорчевать пустившую глубокие корни клику местных тиранов и богачей Наньтина. В подобном деле требовалась строжайшая тайна, дабы нанести один смертельный выпад. Однако Ваш слуга лишь недавно прибыл в эти края, чин мой ничтожен, а корни — слабы и хлипки. Мне абсолютно не на кого было опереться в этой битве. И дабы сокрушить хребет этому местному змеиному кублу, у Вашего слуги не оставалось иного выхода, кроме как самолично броситься на амбразуру, рискнуть собственной головой и силой вырвать справедливость для обездоленных подданных. Не явись нынешней ночью к воротам Ваше величество и не окажи нам деятельную помощь офицер Цзян Хэ, рудник «Сяофу» ни за что на свете не согласился бы столь безропотно и быстро выдать конвою измученных шахтеров.

Стоявший поодаль Цзян Хэ едва заметно кивнул головой.

О том, какая смертельная опасность таилась под сводами рудника «Сяофу», гвардеец знал не понаслышке: он сам был тому свидетелем.

Он ни капли не сомневался: будь уездный судья Вэньжэнь обычным хлипким книжником и явись он туда самолично без сильной руки за спиной, тамошние головорезы переломали бы чиновнику кости в два счета.

Седьмой принц смолк.

Против этого аргумента у него действительно не нашлось достойного ответа.

Лэ Уя ровным тоном продолжил:

— Ваш слуга пробивал себе дорогу из сословия гунцзяньшэнов, великими талантами к зазубриванию канонов я никогда не отличался. А потому мне лишь оставалось по крупницам собирать мудрость из трактатов всех ста школ, дабы в конечном итоге выкристаллизовать в своем сердце два главных иероглифа...

— «Для народа» — вот тот подлинный путь, служению которому Ваш слуга посвятил свою жизнь.

— Мои собственные таланты ничтожны, к великим лаврам я не стремлюсь, а желаю лишь одного: дабы совесть моя перед небесами оставалась кристально чистой.

Под конец этой пламенной речи он не упустил случая ловко прикрыться высочайшим авторитетом:

— Восседа в сияющих чертогах императорского дворца, Священный Монарх денно и ночью сокрушается о нуждах самых дальних окраин своей державы. А потому Ваш слуга свято верит, что сердца наши бьются в полном и неразрывном согласии.

Седьмой принц: ...

Он приоткрыл рот, но так и не нашелся, что сказать. Чувство, когда собеседник выверенными речами намертво затыкает тебе рот, показалось ему до боли знакомым.

Во время судебного процесса этот уездный начальник выказывал поразительную изворотливость, без конца пуская в ход самые хитрые трюки и подвешенный язык.

Но стоило ему предстать перед венценосными ревизорами и его речи стали на редкость складными, упорядоченными и строгими, к тому же он умудрился столь изящно выставить вперед их собственного отца в качестве надежного щита.

Было очевидно, что перед ними сидит на редкость хитрая, ушлая и изворотливая лисица.

Видя, что беседа между ними начала напоминать опасное скрещение клинков, никто из стоящих вокруг слуг не осмелился издать ни звука.

В одно мгновение заснеженный двор сковала мертвенная, звенящая тишина.

Шестой принц, чья осанка была преисполнена истинно королевского величия и мягкости, негромко заговорил, развеивая это удушающее оцепенение:

— Судья Вэньжэнь.

Лэ Уя торопливо отозвался:

— Ваш слуга внимает.

— Твои ритуальные чулки слишком тонки для здешней стужи. Если внутрь обуви набьется снег, дело кончится дурно.

Лэ Уя: ...

«И как, скажите на милость, я должен реагировать на подобные барские заботы?» — мысленно посетовал он.

Вслух же Лэ Уя лишь еще ниже склонил голову:

— ...Ваш слуга низжайше благодарит господина ревизора за столь безграничную чуткость к моим нуждам.

Седьмой принц к этому моменту тоже успел вернуть лицу привычное веселое и кокетливое выражение:

— Старший брат у меня лишь вознамерился сказать: изволь наконец подняться со снега.

Из дальних переулков до их ушей донесся мерный, приглушенный перестук ночной колотушки ночного сторожа.

— Время позднее, ты провел за допросами слишком много часов, так что ступай и поскорее предайся отдыху. О том, что наш отряд тайно прибыл в Наньтинь, не должно расползтись ни единого слуха среди обывателей. Завтра поутру мы вновь явимся к твоим воротам, дабы...

Седьмой принц устремил пристальный взор прямо в глаза Лэ Уя, и последние слова застряли у него в горле, оставшись невысказанными.

...Дабы вновь узреть твой лик.

Он с юных лет в совершенстве владел искусством наглухо запирать свои подлинные чувства в самые дальние уголки души.

Слети это короткое признание с его губ, и негласная граница дозволенного между ними была бы разрушена безвозвратно.

Лэ Уя к этому часу действительно изнемог от дикой усталости, а потому удерживать высокопоставленных гостей не стал:

— Ваш слуга почтет за великую честь лично проводить господ ревизоров до дверей постоянного двора.

Шестой принц плавно повел рукой:

— Ночной снегопад нынче на редкость хорош, мы неспешно прогуляемся пешком под зонтом. Провожать нас нужды нет, ступай к себе да хорошенько выспись.

Лэ Уя покорно склонился:

— Ваш покорный слуга почтительно провожает господ императорских посланников.

На словах он обещал чинно стоять у ворот, провожая их взглядом по всем канонам этикета. Однако стоило Седьмому принцу отмерить добрую сотню шагов по тракту и мимоходом обернуться назад, как он обнаружил, что уездный судья, который секунду назад буквально пресмыкался перед ними в сугробе, уже вовсю развернулся на каблуках и, непрерывно дуя на озябшие пальцы рук, весело попрыгал обратно под теплый кров управы.

Седьмой принц не сдержался и заливисто, искренне расхохотался на всю ночную улицу:

— Ну надо же... Поистине, парень редкой, безграничной наглости!

Шестой принц тихо произнес:

— Он еще молод.

Седьмой принц возразил:

— Если донесения не врут, он вообще-то на два года старше нас обоих.

Шестой принц ничего не ответил, лишь заложил руки в рукава и устремил взор к небесам.

Седьмой принц спросил:

— Шестой брат, ты больше не ненавидишь снег?

Шестой принц протянул ладонь вперед. Две или три снежинки опустились на его ладонь, явив

миру свои безупречные шестигранные узоры.

Шестой принц ответил:

— Я никогда не ненавидел снег.

Стоило братьям отойти на приличное расстояние, как Лэ Уя дал себе полную волю.

У ворот управы все это время оставались двое дежурных стражников, которые безвольно стояли на коленях, расслышав разговор от начала до конца. Бедолаги боялись даже лишний раз вздохнуть.

Лэ Уя неторопливо прошел мимо них. Не проронив ни звука, он лишь слегка похлопал каждого по плечу, отчего оба парня судорожно вздрогнули.

Успешно разыграв перед ревизорами чужое величие, уездный начальник, заложив руки за спину, направился вглубь внутренних покоев, покачивая головой и буквально сияя от затаенного восторга.

Перед уходом ему предстояло завершить еще немало важных приготовлений.

Примерно через час, когда водяные стрелы клепсидры окончательно угасли в бронзовом сосуде, Лэ Уя наконец отложил писчую кисть в сторону.

Он только-только потянулся, дабы расправить затекшие мышцы, как из чайной комнаты донесся боязливый, осторожный стук в оконную раму:

— Судья, к вам посетитель.

Лэ Уя смутно почуял неладное и уверенным движением руки приподнял дверной полог.

Сквозь пелену непрекращающегося снегопада на противоположной стороне двора он узрел застывшую фигуру Вэньжэнь Юэ.

Тот мчался сюда со всех ног: в его руках не было зонта, брови и волосы сплошь побелели от налипшей снежной крупы, однако в его глазах бушевал яростный огонь и сияли яркие лучи.

Лэ Уя лукаво и изящно подмигнул юноше, приглашая его войти под кров.

Прислужник из чайной уже успел краем уха нахвататься слухов о ночных потрясениях, а потому лезть со своими расспросами не смел. Сделав вид, будто он разом ослеп и оглох, слуга тихонько проскользнул вдоль стеночки прочь из двора.

Вэньжэнь Юэ, неся на своей одежде шлейф ночной стужи и мокрого снега, переступил порог парадных покоев.

Пока он держал путь к управе, его грудную клетку буквально распирало от нахлынувших чувств, и в голове роились тысячи пламенных речей. Однако, оказавшись лицом к лицу со своим спасителем, он не сумел вымолвить ни единого слова, а в его душе проснулось лишь неистовое желание счастливо рассмеяться.

Лэ Уя спросил:

— Матушку семейства Мин устроил со всеми удобствами?

— Да, — Вэньжэнь Юэ веско кивнул. — Бедная женщина никак не могла поверить своему счастью. Едва переступив порог дома, она горько разрыдалась, после чего мне пришлось напоить ее целебным отваром и лаской уговорить приклонить голову к подушке. Убедившись, что ее покой в безопасности, я сразу же поспешил к тебе, Гу-гэ.

Лэ Уя улыбнулся:

— Вот и славно.

Вэньжэнь Юэ с замиранием сердца вымолвил:

— Гу-гэ, каким образом тебе вообще удалось повернуть все это за одну ночь?

— Меньше вопросов, парень, Ваш судья тебе уже все до последнего иероглифа на бумаге расписал, — Лэ Уя с легким щегольством взмахнул в воздухе увесистой стопкой исписанных листов. — Ночь длинна, а сны изменчивы. Едва вернешься в свою плоть, сам во всем досконально разберешься на досуге.

Вэньжэнь Юэ совершенно растерялся от этих слов:

— ...Вернусь в плоть?

Лэ Уя с зажатыми в кулаке письмами так и замер на месте: ...

Он ошалело захлопал глазами:

— А как иначе-то? Твое личное дело я закрыл, все долги перед уездом сполна выплатил.

Два абсолютно сбитых с толку человека в течение нескольких секунд молча буравили друг друга взглядами, силясь осознать подлинные намерения собеседника.

А затем они в один голос синхронно выкрикнули:

— Ты уходишь?!

— Ты не собираешься возвращаться?!

Вэньжэнь Юэ удивленно захлопал глазами.

Убедившись, что честное имя ученого Мина полностью отмыто от напраслины, Вэньжэнь Юэ уже успел до мельчайших подробностей распланировать их дальнейшее будущее. Он свято верил: если они продолжат жить чужими жизнями, оставаясь каждый на своем нынешнем месте, это станет для них самым надежным и верным выходом.

По дороге сюда его душу терзало бесконечное чувство вины. Юноша полагал, что его собственное происхождение слишком безродно, а судейская доля полна тягот и лишений, из-за чего его благородный спаситель, Гу-гэ, сильно ущемляет себя, занимая этот пост.

Однако он и помыслить не мог, что «Гу-гэ» вообще не планирует задерживаться в этом мире ни единой лишней секунды.

Вэньжэнь Юэ едва слышно промолвил:

— Гу-гэ, я прекрасно знаю, что происхождение мое ничтожно, в то время как твои таланты и ум безграничны. Вынуждать тебя носить мое скромное имя, значит наносить тебе великую обиду.

Лэ Уя отрезал:

— Вовсе нет.

...Дело было вовсе не в том, что это имя казалось ему плохим. Напротив, оно было слишком хорошим.

Безупречное происхождение, чистая репутация перед законом, кристально белая биография, на которой нет ни единого темного пятна.

В своей прошлой жизни Лэ Уя отдал бы все на свете ради подобного дара, но так и не сумел его обрести. И именно по этой причине он не имел ни малейшего права забирать его себе сейчас.

Услышав, что наставник вовсе не гнушается его скромной долей, Вэньжэнь Юэ окончательно запутался:

— Но раз так... почему бы нам просто не оставить все как есть и не меняться обратно?

Лэ Уя мертвой хваткой вцепился в его воротник и беззастенчиво пошел на попятную:

— Исключено! А ну немедленно возвращай мне мою плоть!

От этого резкого рывка Вэньжэнь Юэ вынужден был низко склонить голову.

Узрев собственное лицо, на котором сейчас играли столь живые, яркие и совершенно незнакомые ему прежде эмоции, он аккуратно прикусил нижнюю губу и тихо спросил:

— Но ради чего, Гу-гэ?

Лэ Уя отчеканил:

— Все мои дела в этом мире полностью завершены. Оставлять меня при себе тебе больше нет никакой нужды.

Вэньжэнь Юэ: ...

Ему показалось, что слова Гу-гэ звучат как-то дико и противоестественно, словно тот подсознательно и в порядке вещей почитал самого себя за обычный, временно пригодившийся инструмент.

— Я прошу тебя остаться вовсе не потому, что ищу в тебе какую-то корыстную выгоду, — возразил Вэньжэнь Юэ. — Гу-гэ, ежели я сейчас вернусь в свое судейское тело, что тогда приключится с ученым Мином?

Лэ Уя ответил со всей судейской непреклонностью:

— Да ведь этот твой ученый Мин изначально был нежилецом и должен был испустить дух еще полгода назад!

Вэньжэнь Юэ мысленно вздохнул: «И то правда».

Даже если бы они в ту памятную ночь не поменялись телами, Мин Сянчжао все равно не пережил бы те предсмертные часы, когда они только-только отыскиали его в темнице.

Вэньжэнь Юэ тихо выдохнул:

— Однако у него осталась старая мать, которую необходимо до конца дней обеспечивать пропитанием. Нельзя просто взять, умереть и бросить ее на произвол судьбы.

— Стоит нам поменяться телами обратно, и у тебя самого разве поубавится возможностей позаботиться о бедной женщине? — Лэ Уя рассудил, что его доводы бьют точно в цель. — В свое время я клятвенно пообещал ученому Мину, что после кончины Вэньжэнь Юэ непременно возьмет на себя заботу о его матушке. Но Ваш судья ведь ни единым иероглифом не уточнил, какой именно из двоих Вэньжэнь Юэ исполнит сие обещание!

Вэньжэнь Юэ: ...

Значит, еще с той самой секунды этот человек ни на миг не планировал задерживаться в мире живых?

Лэ Уя больше не вознамерился тратить время на пустые пререкания. Он резко поднялся со стула и решительно направился к выходу.

Вэньжэнь Юэ в сильной панике выкрикнул:

— ... Гу-гэ, ты куда?!

Лэ Уя невозмутимо отозвался:

— Пойду приищу себе надежный способ оборвать эту жизнь. А ты не забудь поутру прийти да прибрать мой труп.

Услышав это зловещее напутствие, Вэньжэнь Юэ смертельно перепугался. Он коршуном бросился наперерез и сзади мертвой хваткой обвил ладонями его талию:

— Гу-гэ! Одумайся! Не смей!

Тело Мин Сянчжао было на редкость рослым, широкоплечим и сильным. И пускай парень числился обычным книжником, однако ради куска хлеба для матери ему с юных лет приходилось гнуть спину на самых тяжелых поденных работах, так что физической мощи ему было не занимать. Одним маневром он намертво зажал уездного начальника в своих железных объятиях.

Лэ Уя в течение нескольких минут отчаянно извивался и трепыхался в его руках, однако все было тщетно.

Нынешняя телесная оболочка Вэньжэнь Юэ принадлежала изнеженному, слабому интеллигенту, который боевой лук мог натянуть разве что самой слабой, детской силы. Против этой звериной мощи рослого парня у него не было ни единого шанса. К тому же, дабы не позволить наставнику уйти, юноша вложил в этот захват всю свою отчаянную силу. Сам же Лэ Уя круглыми годами в прошлой жизни был лишен всяких тренировок, а потому применить те боевые приемы, что он досконально освоил в бурные годы юности, сейчас не мог при всем желании.

Лэ Уя окончательно выбился из сил и, тяжело дыша, прохрипел:

— Да что тебе, в самом деле, от меня нужно?!

Вэньжэнь Юэ упорно безмолвствовал, боясь разжать зубы и растерять остатки сил.

Лэ Уя сокрушенно запричитал:

— Я ведь и без того давно мертв! Ну что тебе сделается, если я просто вернусь обратно в чертоги теней, а?!

Вэньжэнь Юэ по-прежнему не проронил ни звука.

Лэ Уя: ...

«Вот же угораздило меня связаться с этим упрямым, непрошибаемым истуканом», — мысленно обругал он свою долю.

Поняв, что силой тут ничего не решить, он окончательно капитулировал и безвольной тряпичной куклой обмяк в чужих объятиях:

— Ну давай, души меня, души, пускай этот судья прямо здесь испустит дух от твоих лапищ.

Почуввав, что наставник перестал вырываться, Вэньжэнь Юэ вознамерился было разжать замок, однако по их недолгому знакомству он уже успел усвоить: этот Гу-гэ обладает на редкость хитрым и изворотливым нравом. А ну как это обычная уловка, дабы усыпить его бдительность и сбежать?

А потому, недолго думая, он одним мощным движением подхватил Лэ Уя на руки поперек тела, пинком ноги захлопнул дубовую дверь покоев, бережно опустил его на судейское ложе, а сам уселся на самый край кровати, уставившись на него прямым и немигающим взором.

Лэ Уя от такой бесцеремонности едва не задохнулся от праведного гнева:

— Вылупил на меня свои огромные глаза и сидишь довольный. Что еще за черные мысли роятся в твоей пустой голове?

Вэньжэнь Юэ с абсолютной искренностью ответил:

— Твой слуга как раз размышляет о том, не пойдет ли вразрез с законами приличия, если я мертвой хваткой свяжу Гу-гэ веревками по рукам и ногам.

Лэ Уя со всей степенностью парировал:

— Подобное кощунство не просто нарушает все мыслимые каноны благопристойности — это чистой воды черная неблагодарность в адрес твоего спасителя! Вот возьму и загрызу тебя прямо здесь.

Вэньжэнь Юэ не сдержал мягкой улыбки:

— Гу-гэ, давай мы сядем и все спокойно обсудим, хорошо?

<http://bllate.org/book/18193/2040550>